

Подписка дѣла: съ приложеніемъ журнала
«Православный Собесѣдникъ» епархіальнымъ
подписчикамъ — 8 р. Безъ приложенія 5 руб.

ИЗВѢСТІА ПО КАЗАНСКОЙ ЕПАРХІИ

ИЗДАНИЕ КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

Выходятъ четыре раза въ мѣсяцъ.

Редакція: Казань. Духовная академія.

Содержаніе.

Официальный отдѣлъ. Телеграмма Высокопреосвященнѣйшаго Никанора Архіепископа Казанскаго. 425. Распоряженія Епархіальнаго Начальства. 426. Свободныя мѣста. 426. Выдача сборной книги. 427. Журналы Съѣзда о.о. депутатовъ Казанскаго училищнаго округа 427.

Неофициальный отдѣлъ. Поученіе и рѣчи, произнесенныя при гробѣ въ Бозѣ почившаго Высокопреосвященнѣйшаго Димитрія, Архіепископа Казанскаго и Свіяжскаго. 432. Преподобный Іоаннъ Кассіанъ Римлянинъ. Архимандрита *Теодора*. 456. «Къ дѣтямъ». 462.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Пастырямъ и пасомымъ Казанской паствы радоватися желаю. Христось Воскресе! Единеніе дужа въ союзѣ мира буди со всѣми Вами.

Никаноръ Архіепископъ Казанскій.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Назначены: по вновь образованнымъ благочинническимъ округамъ благочинные: по 5 округу, Чистопольскаго у., священникъ села Аксубаева Александръ *Александровъ*; по 3 округу Цивильскаго уѣзда, священникъ с. Луцкаго — Николай *Евсеевъ*, и по 2 округу Ядринскаго уѣзда, священникъ села Аликова—Александръ *Левашовъ*, 24 марта.

Сынъ священника Константинъ *Бузановскій* на должность псаломщика въ село Кривозерки, Чистопольскаго уѣзда, 31 марта.

Сынъ псаломщика Леонидъ *Ломоносовъ* исп. долж. псаломщика въ с. Чебаксу, Казанскаго уѣзда, 31 марта.

Уволены согласно прошенію: псаломщикъ с. Чебаксы, Казанскаго уѣзда, Константинъ *Козловъ*, 23 марта.

Псаломщикъ с. Старога Ильмова, Чистопольскаго уѣзда, Николай *Листовъ*, 25 марта.

Псаломщикъ с. Кривозерокъ, Чистопольскаго уѣзда, Михаилъ *Самуиловъ*, 23 марта.

~~~~~
Исключены изъ списковъ умершіе: дьяконъ с. Карамышева, Чебоксарскаго уѣзда, Александръ *Карамышевъ*, 8 марта, и діаконъ с. Вознесенскаго, Казанскаго уѣзда, Степанъ *Отарскій*, 8 марта.

Свободныя мѣста.

Священническія. При Тетюшской Николаевской общинѣ; въ селахъ: Богатыревѣ, Балдаевѣ, Мал. Чурашевѣ, Ораушахъ. Ядринскаго у.: Елышевѣ, Мамадышскаго у. Шиньшахъ, Цибильнурѣ. Царевококшайскаго у.; Бичуринѣ, Карачевѣ, Чебоксарскаго у. Гремячкѣ, Лаишевскаго у.; Ст. Челнахъ, Чистопольскаго у.; Бушавчѣ, Кирмеляхъ, Свіязскаго у.; Хыймала-Касахъ, Козмодемьянскаго у.; Монастырскомъ, Тетюшскаго уѣзда.

Діако́нскія. Въ селахъ: Кожважахъ, Козмодемьянскаго у.; Тавеляхъ, Мамадышскаго у.; Черемуховой Слободѣ, Чистопольскаго у.; Карамышевѣ, Чебоксарскаго у.; Вознесенскомъ, Казанскаго уѣзда.

Псаломщи́ческія. При Кошлоушскомъ Александринскомъ, монастырѣ и Софійской, гор. Свіязска, церкви.

Выдана сборная книга крестьянину села Грязнухи, Спасскаго уѣзда, Василю Филипову Моисееву для сбора пожертвованій на окончаніе постройки новаго каменнаго храма въ с. Грязнухѣ.

ЖУРНАЛЫ

Сѣзда о.о. депутатовъ Казанскаго Училищнаго Округа.
Журналъ №. 5-й ¹⁾).

Утро. 24 августа 1907 года.

Слушали: а) журналы ревизіоннаго комитета по ревизіи приходо-расходныхъ книгъ и суммъ мужскаго духовнаго училища за прошлый 1906 годъ.

Постановили: ревизіонную комиссію за понесенные ею труды благодарить и въ надеждѣ, что члены ревизіонной комиссіи не откажутся и на будущее время послужить духовенству округа, просить Его Высокопреосвященство утвердить и на будущій годъ ревизіонную комиссію въ томъ же составѣ, а именно: предсѣдателемъ — священника исправительныхъ арестантскихъ ротъ Семена Димитріева, членами священника Духосошестввенской церкви Владимира Тавельскаго и священника Кирилло-Меѳодіевской церкви Василя Катагощина; кандидатами къ нимъ священниковъ: Евдокіинской церкви — Григорія Смѣловскаго, Казанско-Богородицкаго женскаго монастыря Петра Самуилова и Кладбищенской церкви Сергія Соколова.

¹⁾ Окончаніе. См. № 13.

По сей статьѣ резолюція Его Высокопреосвященства, къ № 5684, послѣдовала такая: „Утверждается ревизионный комитетъ въ прежнемъ составѣ. Членамъ ревизионнаго комитета, согласно постановленію Съезда, выражается благодарность. А. Димитрій. 27 августа 1907 г.“

б) отношеніе Правленія училища, отъ 22 сентября 1906 г., за № 322, объ избраніи на основаніи Высочайше утвержденнаго опредѣленія Св. Синода, отъ 16 августа 1906 г., за № 4469, третьяго члена Правленія отъ духовенства и кандидата къ оному, а равно и двухъ членовъ Правленія отъ духовенства же на новое трехлѣтіе съ 22 декабря 1907 г. и кандидатовъ къ нимъ.

По заслушаніи сего, приступили къ избранію членовъ Правленія и кандидатовъ къ нимъ чрезъ баллотировку.

Записками намѣчены священники г. Казани: Павелъ Руфимскій, Стефанъ Спиричь, Петръ Рождественскій, Петръ Руфимскій, Николай Измайловъ, Евгенийъ Сосунцовъ и Алексій Сельскій.

Указанныхъ записками лицъ подвергли баллотировкѣ, при чемъ оказалось: священникъ Павелъ Руфимскій получилъ 15 избирательныхъ шаровъ, неизбирательныхъ нѣтъ; священники: Стефанъ Спиричь и Петръ Рождественскій получили также по 15 избирательныхъ, неизбирательныхъ нѣтъ; священникъ Петръ Руфимскій—14 избирательныхъ, неизбирательныхъ—1; священникъ Николай Измайловъ—12 избирательныхъ, неизбирательныхъ—3; священникъ Евгенийъ Сосунцовъ—избирательныхъ 10, неизбирательныхъ 5, священникъ Алексій Сельскій—избирательныхъ 7, неизбирательныхъ—8.

П о с т а н о в и л и: баллотировочный листъ приложить при семъ журналѣ и просить Его Высокопреосвященство утвердить членами Правленія священниковъ: Павла Руфимскаго, Стефана Спирина и Петра Рождественскаго, какъ избранныхъ единогласно, а кандидатами къ нимъ священниковъ: Петра Руфимскаго, Николая Измайлова и Евгения Сосунцова, какъ получившихъ меньшее количество записокъ и избирательныхъ шаровъ.

По сей статьѣ резолюція Его Высокопреосвященства, къ № 5684, такая: „Избранные въ члены учил. Правленія отъ духовенства и кандидаты къ нимъ утверждаются. А. Димитрій. 27 авг. 1907 г.“

Г. Смотритель училища, вызванный въ засѣданіе Съѣзда для выясненія экономическаго положенія училища въ данный моментъ заявилъ, что въ данное время училище, вслѣдствіе непоступленія взносовъ на содержаніе училища, находится въ большомъ затрудненіи. Многіе поставщики продуктовъ заявляютъ, что они прекратятъ отпускъ товаровъ, если только не послѣдуетъ уплаты, платить же нечѣмъ. Положеніе критическое и онъ просилъ бы Съѣздъ употребить всѣ зависящія отъ него средства къ изысканію источниковъ необходимыхъ суммъ. Заслушавъ это заявленіе г. Смотрителя и не надѣясь на полное поступленіе всѣхъ недоимокъ, хотя и состоялось постановленіе о взысканіи ихъ, о.о. члены Съѣзда приступили снова къ обсужденію вопроса о недостаточности средствъ училища. Въ виду крайней бѣдности духовенства и церквей округа послѣ весьма тяжелаго неурожайнаго года, увеличивать какіе-либо налоги съ церковей округа или взносы изъ личныхъ средствъ духовенства Съѣздъ находитъ совершенно невозможнымъ, почему и постановили: усерднѣйше просить Епархіальный Съѣздъ духовенства придти на помощь Казанскому мужскому духовному училищу въ настоящую тяжелую для него годину ассигнованіемъ 5000 руб. въ безвозвратное пособіе училищу изъ суммъ епархіальнаго свѣчнаго завода, тѣмъ болѣе, что въ числѣ недоимокъ по содержанію училища есть почти безнадежныя къ поступленію суммы, а именно взносы съ домовыхъ церквей г. Казани 2015 р. и плата за право ученія съ учениковъ, родители которыхъ служатъ при домовыхъ и безприходныхъ церквахъ въ количествѣ 1000 р., а всего 3015 р.

Если эти 5000 р. будутъ отпущены, то употребить ихъ такимъ образомъ: 3015 р. на покрытіе недоимокъ безнадежныхъ къ поступленію, которыя тогда возможно будетъ сложить со счетовъ, а на остальные 2000 р. Правленіе представитъ добавочную смѣту въ Съѣздъ 1908 г.

По сей статьѣ резолюція Его Высокопреосвященства, № 5684, послѣдовала такая: „Разрѣшается эту статью журнала передать на разсмотрѣніе Общеeparхіальнаго Съѣзда духовенства. А. Димитрій. 27 авг. 1907 г.“

Слушали: словесное заявленіе о. депутата, дѣлопроизводителя Съѣзда, священника Григорія Рождественскаго о томъ, что онъ, вслѣдствіе отпѣванія и погребенія 25 августа

своего предшественника по должности наблюдателя церковныхъ школъ Лаишевскаго уѣзда, протоіерея К. С. Меньшикова, считаетъ нравственнымъ долгомъ и обязанностью быть на отпѣваніи (въ г. Лаишевъ) умершаго о. Константина, а посему просить Съѣздъ освободить его отъ послѣдняго вечерняго засѣданія, при чемъ заявляетъ, что замѣнить его по должности дѣлопроизводителя Съѣзда изъявилъ согласіе о. В. И. Преображенскій.

Постановили: въ виду уважительной причины, заявленной г. дѣлопроизводителемъ Съѣзда, освободить его о. Рождественскаго, отъ вечерняго послѣдняго засѣданія.

На подлинномъ журналъ резолюція Его Высокопреосвященства, къ № 5684, послѣдовала такая: „См. А. Дмитрій 27 ав. 1907 г.“

Журналъ № 6.

Вечеръ. 24 августа.

Слушали: докладъ комиссіи по собиранію свѣдѣній о существующихъ цѣнахъ на продукты и необходимые матеріалы для содержанія училища и рассматривали смѣту училища на 1908 г. по смѣтѣ 1907 г. Сопоставляя цѣны смѣты 1907 г. съ сообщенными цѣнами отъ торговцевъ, Съѣздъ нашелъ, что далеко не вдвое нынѣшнія цѣны превышаютъ цѣны указанныя въ смѣтѣ. Такъ, напримѣръ, предметы первой необходимости: ржаная мука въ настоящее время 95 к., а въ смѣтѣ 65 к. пудъ, мясо теперь 4 р. 40 к. и въ смѣтѣ 4 р. 40 к. пудъ, рыба—4 р. 80 к. и въ смѣтѣ 4 р. 80 к. пудъ, гречневая мука и пшено 1 р. 60 к., а въ смѣтѣ 1 р. 80 к. пудъ и т. д. Словомъ изъ сопоставленія смѣты съ существующими цѣнами Съѣздъ вывелъ заключеніе, что и по прежней смѣтѣ можно будетъ просуществовать училищу, если только Правленіе училища сократитъ нѣкоторые расходы по статьѣ „содержаніе дома“, но ни въ коемъ случаѣ не по статьѣ „содержаніе учениковъ“, такъ какъ сокращеніе расходовъ по этой статьѣ съѣзду крайне нежелательно.

Постановили: смѣту по содержанію училища на 1907 г. предоставить Правленію оставить въ прежнемъ видѣ и на 1908 г., при чемъ рекомендовать Правленію на будущее

время не представлять смѣтъ за предшествующіе годы съ ходатайствомъ объ увеличеніи ихъ въ полтора—два раза, а составлять особую точную смѣту прихода и всѣхъ расходовъ, такъ какъ къ обязанностямъ Съѣзда не относится составленіе смѣты, а только провѣрка ея, уже составленной Правленіемъ училища.

По сей статьѣ резолюція Его Высокопреосвященства послѣдовала такая къ № 5684: „Утверждается. А. Димитрій. 27 ав. 1907 г.“

б) Служали: прошеніе діакона села Байтерякова, Тетюшскаго уѣзда, Михаила Бѣлорусова о сложеніи числящейся за нимъ недоимки въ количествѣ 30 р. за содержаніе въ общежитіи училища сына его, ученика I класса Фортуната Бѣлорусова, постановили: принимая во вниманіе крайне затруднительное матеріальное положеніе училища, прошеніе діакона Бѣлорусова о сложеніи съ него 30 р. оставить безъ послѣдствій, такъ какъ у о. Бѣлорусова учится всего одинъ сынъ и служитъ онъ, Бѣлорусовъ, въ очень порядочномъ приходѣ.

По сей статьѣ резолюція Его Высокопреосвященства послѣдовала такая къ № 5684: „Утверждается. А. Димитрій. 27 ав. 1907 г.“

За неимѣніемъ дѣлъ, подлежащихъ обсужденію въ Съѣздѣ, Съѣздъ считать закрытымъ; будущій же Съѣздъ назначить 19 августа 1908 г., а журналы Съѣзда просить Его Высокопреосвященство разрѣшить напечатать къ свѣдѣнію духовенства въ ближайшихъ №№ Извѣстій по Казанской Епархіи. Предсѣдателю и дѣлопроизводителю Съѣздъ выражаетъ за понесенные ими труды благодарность.

По сей статьѣ резолюція Его Высокопреосвященства послѣдовала такая къ № 5684: „Разрѣшается. А. Димитрій. 27 ав. 1907 г.“

НЕОФФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Поученіе и рѣчи, произнесенныя при гробѣ въ Бозѣ почившаго Высокопреосвященнѣйшаго Дмитрія, Архіепископа Казанскаго и Свіяжскаго.

Поученіе на заупокойной литургіи въ день погребенія—22-го марта 1908 года, произнесенное священникомъ Пятницной церкви Н. А. Воронцовымъ.

Во Имя Отца, и Сына, и Святаго Духа.

„Помянухъ дни древнія и поучихся... Воздѣхъ къ Тебѣ рущѣ мои... Скоро услыши мя, Господи“... (Псаломъ СХLII, 5. 6. 7).

Насталъ послѣдній день пребыванія среди насъ бездыханнаго тѣла почившаго дорогого Владыки! Въ этотъ священный часъ, когда мы готовимся воздать усопшему послѣднее цѣлованіе, невольно мысль наша возвращается къ незабвеннымъ первымъ часамъ того вечера, когда чистый духъ Святителя отошелъ ко Господу! Вотъ только что совершена была надъ почившимъ первая заупокойная молитва. Священнодѣйствовавшему Архипастырю, ближайшему сотруднику усопшаго, тотчасъ же угодно было поручить нашей немощи сказать вамъ, осиротѣвшія чада Церкви Казанской, въ день погребенія Владыки слово назиданія и утѣшенія. Приемля это послушаніе, невольно мы смущались душой и думали: чтó можетъ сказать наше слабое, немощное слово,—когда живъ еще среди насъ свѣтлый образъ усопшаго, убѣдительное всякихъ рѣчей поучающій высокимъ добродѣтелямъ глубокой вѣры, неложнаго упованія и чистой Христовой любви? Но вотъ, со смущенной душой покидая святительскіе покои, услышали мы въ сторонѣ священныя слова церковной молитвы. То по обычному порядку совершалось съ вечера Богослуженіе въ Крестовой церкви,—и яснымъ, звучнымъ, голосомъ монашествующій братъ произносилъ уже послѣднія слова шестопсалмія: „Помянухъ дни древнія“, возглашалъ онъ отъ лица псалмопѣвца, „поучихся во

всѣхъ дѣлѣхъ Твоихъ, въ твореніяхъ руку Твоею поучахся. Воздѣхъ къ Тебѣ рущіи мои... Скоро услыши мя Господи“.... (Псал. СХLII, 5. 6. 7). Невольно вслушались мы въ эти слова, и передъ духовными очами нашими тотчасъ же встала ясная картина того душевнаго состоянія, которое испытываль пророкъ и псалмопѣвецъ, Богомъ избранный и помазанный отецъ своего народа, царь Давидъ, когда изъ устъ его излился этотъ священный псаломъ. А затѣмъ, подъ впечатлѣніемъ только—что пережитыхъ скорбныхъ минутъ, невольно мысль наша обратилась къ почившему Владыкѣ; и дерзновенно подумали мы, что Самъ Господь посылаетъ намъ эти слышанные глаголы, вмѣсто нашего немошнаго человѣческаго слова, какъ лучшее и назидательное для паствы изображеніе духовной жизни усопшаго Архипастыря въ послѣдніе три года.

Вотъ для псалмопѣвца, вождя избраннаго Богомъ народа, наступила смутная, тяжкая пора жизни. Окружавшее его настоящее, теченіе современной ему жизни, было слишкомъ безотраднo. Въ среду его народа, который дотолѣ безраздѣльно любилъ и чтилъ Помазанника Божія, и въ безусловномъ повиновеніи ему достигалъ внѣшняго и внутренняго благосостоянія, вкралось и внѣдрилось пагубное раздѣленіе. Правда, одна часть народа Божія еще нерушимо хранила святые завѣты старины и попрежнему съ сыновнимъ послушаніемъ взирала на своего Владыку; но за то другая рѣшилась возстать противъ него на открытый бунтъ, страшно злословила его и отказалась отъ всякаго подчиненія своему, Богомъ поставленному и помазанному, повелителю. И что особенно было тяжело и грустно святому псалмопѣвцу,—такъ это несомнѣнно то, что во главѣ его противниковъ и нарушителей Богомъ освященнаго строя жизни стоялъ его собственный, возлюбленный сынъ Авессаломъ! Онъ, который долженъ былъ пребывать въ числѣ ближайшихъ сотрудниковъ своего отца и помогать ему вести народъ Божій къ соблюденію святаго закона и чрезъ то къ полному процвѣтанію, не только не облегчалъ царственнаго бремени Давида, но и причинялъ послѣднему множество огорченій. Онъ сѣялъ смуту и раздоръ среди народа, который пошелъ за нимъ по простотѣ своей, не зная, въ чемъ дѣло (2 Цар. XV, 11); онъ старался заслонить своею личностью въ глазахъ народныхъ высокій образъ своего отца и, наконецъ, заставилъ его прямо только бѣгствомъ спа-

саться отъ смертной опасности, угрожавшей ему отъ рукъ безумныхъ послѣдователей его мятежнаго сына. И вотъ въ такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ гдѣ же нашеть отраду своей измученной душѣ святой псалмопѣвецъ? Онъ— „помянулъ дни древня— и поучился“: отъ мрачнаго вастоящаго онъ обратилъ свой взоръ къ великому прошлому своего народа и здѣсь, несомнѣнно, нашеть себѣ много утѣшенія. Онъ вспомнилъ дивныя дѣла Божіи въ мірѣ, онъ вспомнилъ дивное попеченіе Господа о вѣнцѣ Его твореній—человѣкѣ; онъ помянулъ, что Богъ во всякихъ жизненныхъ скорбяхъ и испытаніяхъ хранитъ избранныхъ Своихъ, какъ зѣницу ока, и самыми страданіями и скорбями, такъ мимолетными и скоропреходящими предъ вѣчностью, возводитъ ихъ къ духовному совершенству. Предъ очами Давида, конечно, прошелъ цѣлый сонмъ древнихъ патріарховъ, судей и иныхъ избранниковъ народа Божія, которые еще въ тѣ далекіе отъ Христа дни лучше захотѣли страдать, нежели имѣть временное, грѣховное наслажденіе, и, взирая на воздаяніе, поношеніе Христово почитали бѣльшимъ для себя богатствомъ, нежели Египетскія сокровища (Евр. XI, 25—26). Помянулъ дни древня скорбящій псалмопѣвецъ, поучился въ нихъ,— и прямиымъ плодомъ такого наученія явилось сначала смиренное примиреніе съ враждой и злобой человѣческой: „оставьте“, говорилъ Давидъ, „пусть злословятъ, можетъ быть, Господь призритъ на униженіе мое и воздастъ мнѣ Господь благостью за теперешнее злословіе“ (2 Цар. XVI, 11—12). И полилась затѣмъ его горячая, усердная, пламенная молитва: „Воздѣхъ къ Тебѣ рудѣ мой.... Скоро услыши мя, Господи.... Слышану сотвори мнѣ завтра милость Твою.... Услыши мя въ правдѣ Твоей“..... То была молитва горячей вѣры въ Бога Промыслителя, Своими мудрыми велѣніями направляющаго ко благу жизнь человѣческую. То была молитва неложнаго упованія, что хотя многи скорби праведнымъ, но отъ всѣхъ ихъ избавитъ я Господь (Псал. XXXIII, 20). То была молитва горячей любви къ своему народу, чтобы Господь и въ немъ людей угнетенныхъ спасалъ и взоромъ Своимъ унижалъ надменныхъ (2 Цар. XXII, 28).

И вотъ эта библейская картина душевнаго настроенія святаго псалмопѣвца развѣ не обрисовываетъ яркими чертами и высокій духовный образъ предлежащаго предъ нами почившаго Владыки? Дерзаемъ, не обинуясь, сказать это съ сего

святаго мѣста, не боясь смѣло сравнить почившаго со святымъ пророкомъ; ибо въ эти дни, когда завершился жизненный крестъ нашего Святителя, даже и та часть печати, которая доселѣ враждебно относилась къ нему, единогласно съ его почитателями отмѣтила усопшаго наименованіемъ истиннаго „Человѣка Божія“; и сбылось такимъ образомъ и надъ нимъ Божественное слово Великаго Архіерея: „Когда я вознесенъ буду отъ земли, всѣхъ привлеку къ Себѣ“ (Іоанна XII, 32). И нынѣ и мы всѣ, объединенные въ чувствѣ глубокаго почтенія къ почившему, развѣ не видимъ и не понимаемъ, въ какое тяжелое и трудное время пришлось ему править Церковію Казанской? Это—время, когда почти повсюду нарушились исконныя добрыя отношенія между архипастырями и паствою, и, подобно смутѣ гражданской, и въ область чисто нравственной, духовной жизни вкрались разныя распри и нестроенія. Предки наши безусловно вѣрили въ высокой авторитетъ и священную силу святительскаго сана и на послушанія ему мудро созидали свое духовное благополучіе, идя за своими архипастырями покорной стопой во спасенію; нынѣ настала иная, скорбная година, когда люди, такъ настойчиво заботясь о всяческихъ свободахъ, захотѣли освободиться отъ подчиненія и высовимъ нравственнымъ авторитетамъ, безумно забывая ту истину, что „имже нѣсть управленія, падаютъ аки листвіе.“ И вотъ съ этой стороны почившій въ три года духовнаго правленія надъ нами, несомнѣнно, много перенесъ скорбей и испытаній. Сколько онъ видѣлъ, и слышалъ, и читалъ насмѣшекъ надъ собой со стороны лицъ, не понимавшихъ его жизненнаго святительскаго подвига! Рѣшимся предъ его гробомъ покаяться до конца! Развѣ не было и среди насъ воистину новыхъ Авессаломовъ, которые, вмѣсто духовной помощи и содѣйствія своему Святителю, лукаво и устною, и печатною рѣчью старались посягать въ паствѣ недовольство своимъ Архипастыремъ, смущая немощную совѣсть малыхъ сихъ и отвлекая еѣ на страну далече отъ повиненія духовнаго своему Владыкѣ? И что же? Смутили всѣ эти скорби и бѣды кроткую и терпѣливую душу нашего Архипастыря? Нѣтъ! Подобно древнему псалмопѣвцу, и онъ смежалъ очи свои на скорбное настоящее нашей жизни и искалъ себѣ отрады и утѣшенія въ свѣтломъ историческомъ прошломъ Церкви Христовой. Отъ дней юныхъ великій и ревностный почитатель христіанской

древности, онъ и въ послѣдніе три года своей жизни съ особымъ умиленіемъ погружался въ священныя воспоминанія высокихъ жизненныхъ подвиговъ святыхъ апостоловъ и мучениковъ, святителей и преподобныхъ. И видно было, что душа его всецѣло живетъ и вращается въ средѣ этихъ, отъ юности дорогихъ и милыхъ для него, образовъ и воспоминаній! Каждое слово назиданія, съ которымъ онъ обращался къ своей паствѣ, непремѣнно заключало въ себѣ поучительный урокъ изъ жизни того или иного христіанскаго подвижника; да и каждая частная душевная бесѣда съ нимъ неволью въ концѣ концовъ завершалась въ той же области. И нужно было видѣть, какимъ особеннымъ, юношескимъ одушевленіемъ и радостію горѣлъ его старческій взоръ, когда снова приходилось ему касаться дорогого предмета и излагать предъ внимательными слушателями любимое имъ житіе и подвиги какаго-либо христіанскаго святого! И эта „несытая любовь души“ наслаждаться священными воспоминаніями христіанской древности не покинула его и до конца жизни; ибо и предсмертныя свои страданія онъ постоянно облегчалъ денно-нощнымъ слушаніемъ священныхъ Четь-Миней. И вотъ, чрезъ такое непрерывное воспоминаніе дней древнихъ и поученіе въ нихъ, и въ почившемъ, подобно библейскому псалмопѣвцу, создалось мудро-терпѣливое отношеніе къ окружающей жизни съ ея скорбями и неустанное пребываніе въ святомъ молитвенномъ подвигѣ. Онъ не гнѣвался и старался не давать мѣста законному негодованію на тѣхъ, кто порочилъ его святительское имя; онъ не боролся отвѣтнымъ печатнымъ словомъ съ людскою клеветой и злобой; нѣтъ, весь онъ ушелъ въ горячую, неустанную, умиленную молитву! На всякое время и на всякій часъ мы видѣли его молебнo воздѣвающимъ къ Богу свои святительскія руки; и никогда еще въ прежніе годы градъ нашъ не былъ очевидцемъ столь частыхъ и умиленныхъ, торжественныхъ святительскихъ служеній! Не нашему слабому слову напоминать вамъ всѣмъ о томъ, какъ радовалъ и умилялъ Владыка своей неустанной архипастырской молитвой сердца благочестивыхъ богомольцевъ. Конечно, всѣ вы испытали это на себѣ, да и слышали о томъ два дня тому назадъ вдохновенное слово почтеннаго настоятеля сего святаго храма, срътавшаго послѣднее торжественное вшествіе Владыки въ эти священныя стѣны ¹⁾.

---

¹⁾ См. печатаемую ниже рѣчь кафедральнаго прот. о. Яблокова.

Мы же не скроемъ только того, какъ не разъ лично слышали изъ устъ почившаго откровенное признаніе, что только чтеніе житій святыхъ и постоянная молитва облегчаетъ его нелегкій архипастырскій подвигъ. „Вотъ, когда считаешь эту гору жалобъ“, говорилъ Владыка, „и выслушаешь множество всевозможныхъ дразгъ,—то страшно тяжело становится на сердцѣ; чтобы отдохнуть,—помолишься, отслужишь литургію, да считаешь житія святыхъ,—и снова съ обновленными силами и успокоенной душой берешься за дѣло“. И мы воочию видѣли, что кроткимъ смиреніемъ и силою молитвы своей, вдохновленной примѣрами древнихъ христіанскихъ подвижниковъ, Владыка воистину побѣждалъ и недруговъ своихъ, невольно заставляя и ихъ кротко смиряться предъ его чистой святительской душой.....

Да, при жизни почившаго мы мало цѣнили эти особенности его архипастырскаго подвига! Мы склонны были скорѣе обвинять его, что онъ не принимаетъ реального, дѣятельнаго участія въ животрепещущихъ вопросахъ и интересахъ современной жизни; мы даже прямо осуждали его за то, что онъ, въ свободные отъ молитвы часы, живетъ только *прошлымъ*, а не *настоящимъ*. Но вотъ Самъ Господь рѣдкой христіанской кончиной усопшаго Владыки показалъ намъ, что суетень нашъ судъ человѣческій, и что угоденъ былъ предъ очами Божиими жизненный подвигъ почившаго Святителя. Вотъ, за какія-нибудь двѣ седмицы до кончины, онъ въ этихъ же священныхъ стѣнахъ совершилъ послѣднюю торжественную службу и вслухъ всей паствы своей исповѣдалъ вѣрность свою святымъ началамъ православія и христіанской жизни. Вотъ и двѣнадцатидневную болѣзнь онъ переносилъ съ мужествомъ и терпѣніемъ истиннаго христіанина, подкрѣпивъ свою душу покаяніемъ, троекратнымъ Причащеніемъ и святымъ Елеопомазаніемъ. Вотъ, до послѣднихъ минутъ не теряя сознанія, онъ простился и примирился со всѣми, съ кѣмъ у него была хотя бы только тѣнь недобрыхъ отношеній, и благословилъ всѣхъ своихъ добрыхъ почитателей. Вотъ, въ предсмертныя минуты, слушая изъ устъ своего Преосвященнаго сотрудника слова напутственнаго канона, онъ самъ уже холодѣющими устами произносилъ слова молитвенныхъ возгласовъ и, какъ поистинѣ Человѣкъ Божій, отошелъ ко Господу въ день памяти святаго Алексія, Человѣка Божія, и преподобнаго Макарія, Калызинскаго Чудо-

творца, особенно близкаго и роднаго для Владыки по Тверскимъ воспоминаніямъ. Вотъ, наконецъ, и бездыханное тѣло его предлежало предъ нашими очами во всю четвертую великопостную седмицу, вмѣстѣ съ изнесеннымъ для поклоненія Животворящимъ Крестомъ Христовымъ,—какъ назидательное указаніе на то, что и въ наши дни человѣкъ можетъ и долженъ быть истиннымъ крестоносцемъ по духу Христову.

Преклонимся же, добрыя чада Церкви Казанской, предъ гробомъ нашего Архипастыря и отъ его жизненнаго креста воспріимемъ и для себя наученіе доброму пути жизни. Въ наши дни всесторонняго обновленія мы легкомысленно стремимся порывать связь со всѣмъ нашимъ добрымъ историческимъ прошлымъ,—и слышатся даже отъ тѣхъ изъ насъ, кто еще не доросъ до пониманія смысла жизни, дикіе вопли, безумно призывающіе отречься отъ стараго міра и отрясти прахъ его съ нашихъ ногъ, такъ заградимъ же нынѣ свои уста и поучимся у этого гроба высокой любви и глубокому уваженію къ священной старинѣ! Мы много толкуемъ о своихъ правахъ и преимуществахъ, о достоинствѣ человѣческой личности и многообразныхъ свободахъ: такъ поучимся же у этого гроба незлобію, кротости и смиренію! Мы много заботимся теперь о благоустройствѣ своей внѣшней жизни, надѣясь только на собственные силы, и забываемъ о Верховномъ Подателѣ всѣхъ благъ: такъ поучимся же у этого гроба неустанной, святой, христіанской молитвѣ! И вмѣстѣ съ молитвой объ упокоеніи души почившаго Архипастыря въ селеніяхъ праведныхъ, да вознесетъ каждый изъ насъ усердныя молитвы и о вразумленіи своей грѣшной души и объ обращеніи ея на правый, добрый путь жизни.

„Скажи мнѣ, Господи, путь, въ оныя же пойду,“ ибо только „Духъ Твой благій наставитъ мя на землю праву“ (Псал. CXLII, 8. 10)! Аминь.

Рѣчь Профессора Казанскаго Университета А. И. Александрова, произнесенная передъ выносомъ тѣла почившаго Владыки изъ зала архіерейскаго дома въ крестовую церковь ¹⁾.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко!

Какихъ нибудь 14 дней, какъ мы въ этомъ самомъ залѣ собирались около Тебя на засѣданіи нашего церковнаго историко-археологическаго общества, собирались, занимались вопросами мѣстной исторіи и археологіи, слушали Тебя и услаждались Твоей мудрой бесѣдой, поучаясь отъ Твоей великой ученой эрудиціи и знаній.

Теперь мы снова здѣсь, и тоже во вторникъ, но только, увы, — уже съ теплой молитвой, отдавая Тебѣ послѣдній долгъ любви, какъ своему почившему Архипастырю.

Какой потрясающій контрастъ! И какъ соотвѣтствуетъ это тому, что творится теперь вообще вокругъ насъ. Страшный ураганъ проносится надъ русской землей и, безвременно, съ нашей человѣческой точки зрѣнія, увоситъ отъ насъ массу жертвъ, множество жизней. Къ числу такихъ нужно отнести и Твою. Правда, у Тебя развилась въ послѣдніе дни тяжелая болѣзнь, но, несомнѣнно, въ быстрой роковой развязкѣ сильнодѣйствующимъ было переутомленіе Твоего организма и прежде всего, переутомленіе сердца. Не выдержало Твое, изболѣвшее о судьбахъ дорогой нашей Россіи, сердце, то сердце, которое такъ искренно и горячо любило все наше родное, русское.

Да, дорогой Владыка! Ты любилъ все свое, близкое.

Прежде всего Ты горячо любилъ свою паству, былъ постояннымъ и неутомимымъ ея молитвенникомъ предъ Господомъ. А какъ искренно Ты любилъ и отзывчиво пригрѣвалъ всѣхъ страждущихъ и обездоленныхъ..., — это знаютъ извѣдавшіе, и таковыхъ у насъ много на святой Руси.

Ты любилъ весь русский народъ. Любовь эту вскормила въ Тебѣ на почвѣ христіанской любви историческая наука, съ которой Ты сроднился еще отъ школьной скамьи, и связь съ которой Ты не порывалъ до послѣднихъ дней. Знаніе прошлаго, прош-

---

¹⁾ Надгробныя рѣчи печатаются въ порядкѣ ихъ произнесенія.

лаго Россіи, Тебя научило всему этому. Твоя любовь къ народу русскому была органически связана со всѣмъ Твоимъ существомъ, она была руководящимъ началомъ всей Твоей дѣятельности и жизни.

Эту любовь въ Тебѣ возростила духовная академія, которой Ты былъ благодарнымъ питомцемъ, ея историческая наука, а археологія церковная, какъ ближайшая союзница и предшественница исторіи, Тебя прямо увлекла.

Вскорѣ по Твоемъ вступленіи изъ академіи на жизненный, учебный путь, изъ Тебя выработался дѣятельный преподаватель, энергичный руководитель молодежи, выдающійся церковный историкъ, затѣмъ—крупный ученый и талантливый изслѣдователь разныхъ вопросовъ церковной исторіи и археологической практики.

Эта любовь заставила Тебя работать научно и во время Твоей административной дѣятельности, какъ архипастыря, въ разныхъ краяхъ нашей дорогой Россіи.

На всѣхъ поприщахъ Твоей служебной дѣятельности Ты продолжалъ быть ученымъ и научно работалъ, изучая Русь, создавая музеи, открывая ученые общества и самъ не покидая ученыхъ своихъ дѣлъ. Люди около Тебя трудились научно, изучая и изслѣдуя край, а Ты ихъ своимъ примѣромъ побуждалъ, ими руководилъ, за ними слѣдилъ. Центромъ тяжести во всемъ трудѣ создаваемыхъ Тобой ученыхъ обществъ былъ всегда Ты, дорогой Владыко.

И вотъ эти покои, этотъ залъ, который Ты теперь покидаешь, — свидѣтели этой Твоей неутомимой, научно-трудовой службы, съ которой Ты всегда выступалъ предъ нами.

Не мнѣ, неспециалисту, оцѣнивать Твою дѣятельность въ научной области церковной исторіи и археологіи, но я не смѣю, какъ участникъ ученыхъ собраній Твоего общества, молчать, не могу умалчивать и не привести фактовъ: масса докладовъ, сообщеній, демонстрацій предметовъ, описаній древнихъ священныхъ сосудовъ, иконъ, книгъ, специальныхъ работъ и комментариевъ къ нимъ, была сдѣлана на собраніяхъ нашего церковно-историко-археологическаго общества именно Тобой, а многие явились если и отъ другихъ, то по Твоей же инициативѣ...

Ты оставилъ намъ и еще драгоценное наследіе—это зачатокъ церковно-археологическаго музея.

И вотъ, все это Ты сдѣлалъ при скудныхъ, бѣдныхъ, можно сказать, ничтожныхъ средствахъ и въ самое непродолжительное время. Все это создано, можно сказать, въ этомъ самомъ залѣ, изъ котораго сейчасъ Ты уходишь.

Теперь Ты, дорогой Владыко, далеко отъ насъ, Тебѣ чужды наши скорби, наши волненія, наши стремленія, интересы и планы.

Но мы знаемъ, что жизнь человѣческая—не случайность, и что ларецъ ея нельзя такъ просто забросать землей; и мы твердо вѣримъ, что все доброе, которое Ты сдѣлалъ здѣсь, пойдетъ за Тобой туда, въ далекую обитель; здѣсь же, въ земной жизни, Ты оставляешь намъ яркій, свѣтлый слѣдъ служенія наукѣ, истинѣ и насажденію знанія, словомъ и дѣломъ внушивъ намъ уваженіе къ труду, любовь къ научному знанію и примѣръ честнаго выполненія долга передъ Господомъ и русскимъ народомъ, изъ котораго Ты, какъ всѣ мы, вышелъ.

Благослови же насъ, нашъ добрый, дорогой Отецъ, на такое же служеніе, умоли Господа о Его милостивой въ этомъ помощи намъ, грѣшнымъ, и прости насъ за все, въ чемъ мы повинны предъ Тобой. Нашъ же долгъ непрестанно молить Господа, да исполнится надъ Тобой слово Христово, которое Ты, какъ мужъ христіанской науки, постоянно носилъ на персѣхъ своихъ: *иже сотворитъ и научитъ, сей велий наречетъся въ царствіи небесныхъ.*

Прости, дорогой Владыко!

Рѣчь, произнесенная личнымъ секретаремъ почившаго Владыки—Н. А. Ипатовымъ предъ выносомъ тѣла изъ вестибюля архіерейскаго дома въ кафедральный соборъ.

Дорогой, незабвенный Владыко!

Почти три года тому назадъ я на этомъ самомъ мѣстѣ радостно привѣтствовалъ Тебя, отъ лица братіи Архіерейскаго Дома, со вступленіемъ въ домъ сей, а теперь..... теперь позволь мнѣ, отъ лица братіи сего же Дома, въ послѣдній уже разъ обратиться къ Тебѣ съ послѣднимъ уже прощальнымъ словомъ:

Сейчасъ Ты навсегда оставляешь насъ—Твоихъ ближайшихъ слугъ, Твоихъ домочадцевъ. Не увидимъ уже мы больше Твоего привѣтливаго лица, не услышимъ голоса Твоего, нашъ любимый, милостивый, снисходительный, любвеобильный Домовладыка, Архипастырь и Отецъ!

Съ глубокой, невыразимо-тяжелой скорбью разставаясь съ Тобою, въ послѣдній разъ земно кланяемся Тебѣ и смиренно просимъ: въ послѣдній разъ возри съ любовію на насъ, благослови насъ и прости. Вѣрь, дорогой Владыка, память о Тебѣ всегда будетъ жива въ нашихъ сердцахъ, и молитва о блаженномъ упокоеніи души Твоей будетъ выраженіемъ нашей искренней любви къ Тебѣ. Помолись, дорогой Владыко, и Ты о насъ тамъ, въ горнемъ Царствѣ у Престола Господа Славы!

Помолись, благослови и прости!.. ..

Рѣчь, произнесенная Каедральнымъ протоіереемъ А. П. о. Яблоковымъ при встрѣчѣ тѣла почившаго Архипастыря въ Каедральномъ соборѣ.

Боголюбнѣйшій и приснопамятный нашъ Архипастырь!

Позволь намъ нарушить мирный покой твой; мы, привышіе слушать твое руководственное и доброе слово, дерзаемъ спросить тебя: что значитъ твое такое торжественное и необычное пришествіе въ этотъ храмъ? Зачѣмъ ты собралъ соборъ архипастырей, пастырей и такое необъятное множество пасомыхъ разнаго возраста и положенія? Не для обычныхъ священнодѣйствій, не для принесенія безкровной жертвы Господу за грѣхи паствы твоей прибылъ ты сюда.

„*Путь мой вѣсте*, отцы, братія и всѣ чада мои о Христѣ. Закончился день моей жизни; и вотъ послѣ трудовъ и подвиговъ иду въ сей домъ Богоматери, чтобы въ немъ почить тѣломъ своимъ и водвориться до дня Господня. Молю, прошу васъ, не забывайте меня, когда молитесь ко Господу.“ Такъ вѣщаетъ намъ голосъ почившаго Архипастыря, неслышимый слухомъ, но совершенно понятный для внутренняго чувства каждаго изъ насъ.

Благоговѣнно преклоняемся предъ твоимъ честнымъ гробомъ и молитвенно срѣтаемъ тебя. Вниди въ этотъ храмъ,

гдѣ уже почиваетъ цѣлый сонмъ іерарховъ Казанскихъ, твоихъ предшественниковъ, во главѣ съ Первосвятителемъ Богопрославленнымъ Гуріемъ. Впиди въ сей храмъ, обновляемый и благоуукрашаемый твоимъ стараніемъ и усердіемъ. Вниди въ это дорогое для тебя святилище, гдѣ ты часто пребывалъ въ молитвенномъ общеніи и единеніи съ твоею, теперь осиротѣвшею, паствою въ теченіе почти трехъ лѣтъ. Тебѣ пришлось начать и совершать свое архипастырское служеніе въ Казани въ тяжелое смутное время, когда враги отечества нашего и церкви православной готовы были поколебать вѣковые устои семейной, общественной и государственной жизни, когда они посягали на дорогое нашему сердцу сокровище—вѣру Христову. И, какъ ни трудно было, какъ ни бушевали вѣтры смуты, при общей мрачной растерянности, ты, почившій Архипастырь, употреблялъ всѣ, находившіяся въ твоей власти, мѣры и средства во благо и на пользу пастырей и пасомыхъ и былъ поистинѣ горящимъ свѣтильникомъ вѣры и благочестія. Въ неуспынной заботливости о вѣренности тебѣ паствѣ, ты особенно несъ усиленные молитвенные подвиги подъ сѣнію этого храма. Кому неизвѣстно, что ты, почившій Архипастырь, не смотря на свои старческіе годы, любилъ совершать здѣсь богослуженіе и служилъ постоянно, когда призывали тебя въ тому церковныя торжества, или другіе какіе либо выдающіеся случаи въ жизни общественной. Молитва составляла жизнь твоего боголюбиваго сердца; въ ней ты находилъ себѣ, какъ самъ нерѣдко говорилъ, отдохновеніе и утѣшеніе. Своимъ частымъ благоговѣйнымъ и назидательнымъ совершеніемъ богослуженія, привлекавшимъ множество богомольцевъ, по справедливости ты заслужилъ названіе *молитвенника-Архипастыря*. И въ ясномъ сознаніи живой потребности молитвы ты, незабвенный Святитель, передъ смертію завѣщалъ намъ всѣмъ: „не возлагайте на гробъ мой вѣнковъ и не оказывайте мнѣ другихъ какихъ либо почестей; если кто хочетъ почитать меня чѣмъ либо, то пусть онъ помолится о упокоеніи души моей“.

Вниди же, приснопамятный нашъ Владыко, въ этотъ храмъ, пребывай и осѣняй насъ свыше духомъ твоимъ; а мы здѣсь, у гроба твоего, общаемся вспоминать тебя въ своихъ молитвахъ, да обряцешы въ день судный милость у Господа на судищи страшнѣмъ.

Рѣчь Преосвященнаго Михаила, Епископа Чебоксарскаго, произнесенная 21 марта на панихидѣ отъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній г. Казани.

Величественное и глубоко поучительное зрѣлище созерцаемъ мы въ настоящіе дни, зрѣлище, которое можно наблюдать только при необычныхъ и чрезвычайныхъ обстоятельствахъ. Это—зрѣлище взаимныхъ отношеній между Архипастыремъ и его паствою. Мало замѣтная въ другое время, эти отношенія теперь обнаружались со всею ясностію.

Когда стало извѣстно о тяжелой болѣзни, постигшей почившаго Архипастыря, то въ сердцахъ православныхъ людей града сего почувствовалась тревога за жизнь болящаго. Множество людей стало стекаться въ храмъ для возношенія молитвъ о здравіи его. Когда же Господу Богу угодно было лишить паству Казанскую ея Архипастыря и Отца, то чье сердце не исполнилось печали по поводу тяжелой утраты? Когда большой соборный колоколъ разнесъ по всей Казани печальную вѣсть о кончинѣ Архіепископа Димитрія, то чья рука не поднялась для крестнаго знаменія съ словами: „да упокоитъ Господь душу раба Своего новопреставленнаго Архіепископа Димитрія въ царствіи Своемъ небесномъ“? Съ первымъ ударомъ печальнаго благовѣста со всѣхъ концовъ города во множествѣ началъ стекаться народъ къ праху почившаго, чтобы поклониться ему въ послѣдній разъ, выразить свое сыновнее уваженіе и любовь къ нему и вознести, вмѣстѣ со священнослужителями, свои молитвы о немъ. Богатые и бѣдные, знатные и простецы, ученые и неученые,—всѣ соединились въ одномъ чувствѣ скорби и молитвенномъ порывѣ о почившемъ; всѣ составили около его гроба плотную массу людей, къ нему расположенныхъ. Къ нимъ присоединились и вы, возлюбленные дѣти, юноши и представители педагогическаго міра. А между тѣмъ огромное большинство изъ этой массы людей совсѣмъ не знало почившаго, не имѣло никакихъ личныхъ отношеній съ нимъ, слышало только его имя, возглашавшееся на церковномъ богослуженіи. Сравнительно только немногіе изъ побывавшихъ при гробѣ почившаго Архипастыря имѣли съ нимъ личныя дѣла и испытывали на себѣ непосредственное воздѣйствіе его личности. Чѣмъ же объяснить наблюдаемое нами явленіе всеобщаго сочувствія и молитвеннаго порыва?

Очевидно, отношенія Архипастыря и его духовныхъ чадъ не ограничиваются личными, вѣшне наблюдаемыми, сношеніями. Очевидно, кромѣ этого, существуетъ другая, болѣе всеобъемлющая, глубокая прочная связь. Это—связь душъ и сердець, устанавливаемая благодатнымъ молитвеннымъ общеніемъ и духовными взаимодѣйствіями Архипастыря и пасомыхъ. Правда, многіе изъ этихъ послѣднихъ не знали его, но кто же не молился за него въ общественной или частной молитвѣ? Многіе не имѣли никакихъ вѣшнихъ отношеній къ нему, но на кого же не воздѣйствовалъ его духъ, воплощавшійся во всей церковной жизни паствы Казанской? На кого не простирались его архипастырскія молитвы и благословенія? А онъ много и усердно молился за вѣренную ему Богомъ паству и поистинѣ можетъ быть названъ неусыпнымъ молитвенникомъ паствы Казанской и другихъ, гдѣ ему приводилось проходить свое Архипастырское служеніе. Правда, онъ не могъ быть въ близкихъ вѣшнихъ отношеніяхъ ко всѣмъ, но, подобно Апостолу, онъ духомъ своимъ былъ непрестанно съ своей паствою (1 Кор. V, 3. Колос. II, 5). Это то молитвенное общеніе, это то духовное взаимодѣйствіе, несомнѣнно, установило глубокую, невидимую, только сердцемъ чувствуемую, связь между Архипастыремъ и его паствою, наполняя душу Архипастыря отеческою заботливостію о паствѣ, а душу пасомыхъ—сыновнею преданностію и любовію къ Архипастырю; такъ сказать, протянуло невидимыя струны, неразрывно связующія души и сердца пасомыхъ съ душею и сердцемъ Архипастыря. Утрата Архипастыря сильно ударила именно по этимъ струнамъ. Что же удивительнаго въ томъ, что онѣ при этомъ зазвучали скорбію и молитвою?

Но мы не должны скорбѣть и сѣтовать, подобно людямъ, *не имѣющимъ упованія* (1 Солун. IV, 13). Указанная сейчасъ духовная связь настолько прочна, что не можетъ быть уничтожена смертію. Эта связь переживаетъ всякую смерть, не ограничивается предѣлами земли, но простирается и въ загробный міръ; молитва наша, воодушевленная любовію къ почившему, проходитъ небо и достигаетъ самаго престола Всевышняго. Съ другой стороны, и усопшій молитвенникъ паствы Казанской не перестанетъ и предъ престоломъ Всевышняго возносить свои молитвы о нашемъ спасеніи. Но и здѣсь на землѣ духовный обликъ его не исчезнетъ вмѣстѣ

съ сокрытіемъ въ землю его тѣла; духовный слѣдъ отъ его личности останется неизгладимымъ; „духъ“ его будетъ жить съ нами. Отъ нашей внимательности будетъ зависть замѣчать это и обращать къ своей духовной пользѣ. Поэтому свое краткое слово я заканчиваю напоминаніемъ вамъ апостольскаго наставленія: *„Поминайте наставниковъ вашихъ, которые проповѣдывали вамъ слово Божіе, и, взирая на кончину ихъ жизни, подражайте вѣрѣ ихъ“* (Евр. XIII, 7).

Рѣчь Законоучителя 1-го Казанскаго Реального училища, священника Н. И. Чижова, произнесенная на той же панихидѣ.

*Высокопреосвященнѣйшій Владыко Дмитрій,
милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ!*

Среднія и низшія школы г. Казани въ полномъ своемъ составѣ — начальники, учащіе и учащіяся — по заповѣди Апостола: *поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе* (Евр. 13, 7), пришли въ этотъ св. храмъ ко гробу твоему, чтобы помянуть тебя добрымъ словомъ, помолиться объ упокоеніи твоей души и навсегда проститься съ тобою!

Вѣдь ты, будучи Архіепископомъ Казанскимъ, былъ главнымъ нашимъ духовнымъ наставникомъ, такъ какъ и самъ лично и чрезъ подчиненныхъ тебѣ пастырей училъ насъ Слово Божію, совершалъ для насъ св. таинства и управлялъ всѣхъ по пути къ царствію Божію!

Какимъ же словомъ помянемъ тебя?

Господь сказалъ: *идѣже бо есть сокровище ваше, ту будетъ и сердце ваше* (Мѡ. 6, 21). Наше сокровище — воспитаніе и образованіе. На нихъ сосредоточены наши мысли, для нихъ открыты наши сердца, въ нихъ упражняется наша воля. Позволь же намъ, Владыко святой, для нашего назиданія, помянуть тебя, какъ педагога! Позволь мнѣ, твоему воспитаннику, вспомнить о твоей педагогической дѣятельности по крайней мѣрѣ настолько, насколько она могла запечатлѣться въ памяти твоего благодарнаго и любящаго ученика по Тамбовской семинаріи!

Эта семинарія была первымъ мѣстомъ твоего начальническаго служенія. Она была первою твоею начальническою любовію. Ей отдалъ ты свое воодушевленіе, свою энергію, свои таланты.

И какъ много, братіе, онъ сдѣлалъ для этой школы!

За восемь лѣтъ его служенія она внѣшне и внутренно такъ измѣнилась, что ее стало трудно узнать. вмѣсто ветхаго, тѣснаго, темнаго, грязнаго, наполовину деревяннаго помѣщенія, явилось новое, обширное, свѣтлое, чистое, каменное зданіе. Трехклассная семинарія преобразована въ шестиклассную. Немощные, отсталые въ наукѣ, бездарные члены педагогической корпораціи замѣнены были новыми, молодыми, талантливыми.

Всѣ виды воспитанія—и религіозное, и нравственное, и умственное, и эстетическое, и физическое, и даже практическое, одинаково находили въ молодомъ Ректорѣ и инициатора, и руководителя, и вдохновителя.

Въ просторномъ, высокомъ, украшенномъ роскошною живописью, снабженномъ богатою утварью, имъ устроенномъ домовомъ храмѣ воспитанники пріучались къ церковности. Здѣсь они присутствовали всегда въ полномъ составѣ при служеніи или самого Ректора, или цѣлаго собора изъ семинарскихъ и городскихъ священниковъ, или даже епархіальнаго архіерея,—и пріучались совершать богослуженіе и любить его. Они слышали здѣсь неопустительно каждую литургію или воодушевленныя импровизаціи самого Ректора, или поученія одного изъ талантливыхъ преподавателей семинаріи, или очередныя проповѣди кого-либо изъ лучшихъ учениковъ V и VI классовъ,—и научались проповѣдывать. Въ храмовомъ богослуженіи всѣ ученики должны были принимать участіе—одни въ пѣніи, другіе въ чтеніи, иные въ прислуживаніи въ алтарѣ, или за ящикомъ церковнаго старосты. Для усовершенствованія въ проповѣдываніи и совершеніи церковныхъ требъ, ученики V и VI кл. поочереды назначались въ приходскіе храмы. Нѣкоторые изъ учениковъ подъ руководствомъ Ректора такъ усовершенствовались въ проповѣдываніи, что ихъ произведенія этого рода печатались въ мѣстныхъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ.

Стремясь возбудить въ ученикахъ любовь къ литературному труду, онъ устраивалъ ежемѣсячно акты, на которыхъ въ присутствіи педагогической корпораціи и приглашенныхъ гостей прочитывались лучшія ученическія сочиненія. Съ тою же цѣлю болѣе способнымъ и трудолюбивымъ ученикамъ онъ давалъ для разработки особыя темы историческаго, цер-

ковно-археологическаго или мѣстно-бытового характера. Съ отеческою любовію руководилъ ими, помогалъ имъ, а потомъ отдавалъ эти юношескіе научные опыты въ печать. И какъ поднималъ онъ уровень умственнаго развитія семинаріи вообще и любви къ писанію сочиненій въ частности! И сколько вышло изъ его учениковъ ученыхъ богослововъ и даровитыхъ писателей на педагогическомъ, юридическомъ, военномъ и др. поприщахъ!

Желая развить въ ученикахъ эстетическія наклонности, онъ пріобрѣталъ для нихъ музыкальные инструменты, поощрялъ хоровое пѣніе, устраивалъ классы живописи.

Забывая о сохраненіи и укрѣпленіи здоровья учениковъ, онъ всегда наблюдалъ за чистотою ученическихъ помѣщеній, выстроилъ прекрасную больницу, пріобрѣлъ для своекоштныхъ учениковъ просторное, на лучшей улицѣ города, общежитіе, развелъ обширный садъ, поставилъ гимнастиче.

Да развѣ можно въ краткомъ словѣ перечислить все, что онъ сдѣлалъ для семинаріи? Одно только можно и должно сказать, что все онъ дѣлалъ не для возвышенія своей личности, а для пользы своихъ питомцевъ.

Покойный все дѣлалъ для своихъ семинаристовъ, потому что горячо любилъ ихъ. Его отношенія къ нимъ были необыкновенно хороши. Они исполнены были ума, доброты и педагогическаго такта. Онъ любилъ учениковъ, но никогда не потворствовалъ ихъ слабостямъ; строго бичевалъ проступки, но былъ трогательно снисходителенъ къ ихъ совершителямъ; былъ милосердъ, доступенъ, обходителенъ. Про учениковъ, погрѣшавшихъ въ ученіи и поведеніи, онъ говорилъ, что ихъ должно воспитывать и учить, а не исключать. На экзаменахъ всегда былъ веселъ, ободрялъ учениковъ и любилъ ставить хорошія отмѣтки. Экзамены учителей, которые ставили много двоекъ и единицъ, называлъ избіеніемъ младенцевъ. Нерѣдко запросто появлялся въ занятныхъ комнатахъ учениковъ, велъ съ ними задушевные бесѣды и своими обширными знаніями и ласковымъ обращеніемъ приводилъ ихъ въ восторженное настроеніе. Онъ умѣлъ выдѣлять учениковъ талантливыхъ, хотя бы по нѣкоторымъ, нелюбимымъ ими предметамъ, они и не успѣвали. Онъ защищалъ ихъ въ педагогическомъ правленіи, ободрялъ ихъ и, какъ показало время, въ нихъ не ошибся. Его искреннее желаніе было, чтобы лучшіе ученики про-

должали образованіе въ духовной академіи и были бы впоследствии служителями церкви. Это были его дѣтища, которыхъ, можно сказать, онъ носилъ на рукахъ. Но и тѣмъ даровитымъ воспитанникамъ, которые стремились поступить въ свѣтскія высшія учебныя заведенія, онъ не только не препятствовалъ, а многимъ изъ нихъ даже помогалъ и совѣтомъ, и ходатайствомъ, и деньгами.

Могли ли не любить ученики такого начальника? Они не только любили, но и благоговѣли предъ нимъ, всегда были внимательны къ его внушеніямъ, всегда съ охотою исполняли всѣ его распоряженія. Уходъ его изъ семинаріи былъ многими горько оплаканъ, а жалѣли его всѣ. Семинарія съ благодарностію воспоминаетъ его до сихъ поръ; съ любовью о ней отзывался всегда и покойный. Внимательно слѣдилъ онъ всегда за успѣхами своихъ бывшихъ питомцевъ, зналъ ихъ мѣсто службы и литературные труды, и, встрѣчая ихъ у себя, принималъ, какъ родныхъ и дорогихъ гостей.

Какимъ былъ нашъ почившій Владыка на зарѣ своей педагогической дѣятельности въ Тамбовѣ, такимъ онъ остался и на закатѣ дней своего служенія среди насъ казанцевъ. Та же любовь къ учебнымъ заведеніямъ и та же заботливость о нихъ. Его также радуютъ ихъ успѣхи въ наукахъ и поведеніи и глубоко огорчаютъ случавшіеся въ нихъ безпорядки, холодность къ религіи, проступки противъ христіанской нравственности. Съ прежнею готовностію онъ посѣщаетъ среднія и низшія школы, совершаетъ въ ихъ храмахъ торжественныя богослуженія, присутствуетъ на урокахъ Закона Божія, экзаменуетъ учениковъ, награждаетъ ихъ крестиками и книжками.

А что сказать о немъ, какъ Архіепископѣ церкви Казанской?

Образъ буди вѣрнымъ, завѣщалъ св. Апостоль епископамъ: *словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою* (1 Тим. 4, 12). И мы вѣруемъ, что почившій Архипастырь всѣми силами своей души старался выполнить этотъ завѣтъ Апостола, и глубоко убѣждены, что своими постоянными усердными молитвами, своею обширною ученостію, смиреніемъ и аскетическою жизнію онъ былъ *способникомъ Богу* (1 Кор. 3, 9), *солю земли* (Мѡ. 5, 13), *свѣтомъ міра* (Мѡ. 5, 14), *образомъ стада Христова* (1 Петр. 5, 3).

Но, братіе, и почившій нашъ Архипастырь, при всѣхъ своихъ дарованіяхъ и достоинствахъ, былъ все же человѣкъ.

И если св. Апостоль и другъ Христовъ Іоаннъ о себѣ говорилъ: *аще речемъ, яко грѣха не имамы, себе прельщаемъ и истины нѣсть въ насъ* (1 Іоан. 1, 8), то, конечно, и нашъ смиренный Владыка никогда не считалъ себя чистымъ предъ Богомъ. Помолимся же усердно о немъ, да проститъ ему Господь Богъ его вольныя и невольныя прегрѣшенія и да вселить его въ райскія обители! Помолимся съ твердою надеждою, что онъ теперь молится о насъ у престола Вседержителя, что незримо для насъ онъ простираетъ теперь свои святительскія руки къ Нему съ молитвою за насъ: *призри съ небесе, Боже, и виждь и посети виноградъ сей, его же насади десница Твоя.*

Простимъ почившему, если онъ противъ кого-либо погрѣшилъ словомъ или дѣломъ. Попросимъ и у него прощенія, если когда либо доставили огорченіе его архипастырскому сердцу.

Прости же, любвеобильный Владыко, начальниковъ, которые не стояли на высотѣ своего христіанскаго призванія! прости учителей, которые внушали своимъ ученикамъ знанія, противныя духу Христова ученія! прости законоучителей, нерадивыхъ въ молитвѣ и наставленіи! прости школьниковъ, невнимательныхъ къ Закону Божію!

Прости и меня, мой любимый Ректоръ, за то, что я не оправдалъ всѣхъ твоихъ надеждъ! Прости меня, мой незабвенный Архипастыръ, что я не могъ принять на себя ни одну изъ тѣхъ должностей, которыя такъ хотѣлось тебѣ возложить на меня! Прости меня, мой благодѣтель, за мое неискusstное о тебѣ прощальное слово!

Помолись о моемъ недостойнствѣ, мой духовный наставникъ и отецъ, а я—твой богомолецъ до гроба!

Рѣчь профессора богословія Казанскаго Университета протоіеря А. В. Смирнова.

Владыка святой!

Бываютъ минуты, когда волнуюція насъ чувства не умѣщаются въ сердцѣ, когда они давятъ грудь, какъ тяжелая болѣзнь, когда трудно становится дышать, если эти чувства не пробьются наружу, не найдутъ выхода хотя бы въ словѣ. Такія чувства переполняютъ въ настоящую минуту сердца

многихъ изъ насъ, предстоящихъ твоему гробу. Скорбь ли это только о твоей кончинѣ? Можетъ быть это и чувство нѣкотораго раскаянія, нѣкотораго сожалѣнія о прошломъ? Да, здѣсь несомнѣнно есть значительная доля и этого чувства, навѣяннаго сознаниемъ того, что мы узнали твое доброе и незлобивое сердце слишкомъ поздно, что мы не сумѣли во время согрѣть тебя своею любовію, облегчить твой жизненный крестъ своею сыновнею ласкою.

Мы взглянули на тебя, незабвенный нашъ Архипастырь, какъ на исполнителя велѣній служебнаго долга и законной правды и не могли разсмотрѣть своими близорукими очами твою добрую, отзывчивую и ко всѣмъ милостивую душу, не могли понять того, что примѣненіе закона правды къ подчиненнымъ было тяжелѣе всего именно для тебя, старавшагося жить только закономъ любви и состраданія. И вотъ на смертномъ уже одрѣ ты раскрылъ предъ нами все богатство твоей чистой и любящей души. Въ моментъ самыхъ невыносимыхъ страданій отъ тяжелаго недуга ты мучился одною только думою, думою о томъ, не оставляешь ли ты на землѣ людей, недовольныхъ тобою, у всѣхъ ли ты испросилъ христіанское прощеніе. Ты первый протянулъ руку примиренія къ тѣмъ, о которыхъ думалъ, что они недружелюбно настроены къ тебѣ. За три дня до смерти ты, пересиливая болѣзненную немощь, пожелалъ лично принять депутацію, посланную казанскимъ духовенствомъ для выраженія своего горя по поводу постигшей тебя болѣзни и для испрошенія прощенья во всѣхъ вольныхъ и невольныхъ грѣхахъ предъ тобою. Къ тебѣ явились съ сознаниемъ вины, а ты, добрый Владыка, взялъ вину на себя и коснѣющимъ языкомъ сказалъ депутаціи: „передайте отъ меня казанскому духовенству земной поклонъ; пусть простятъ меня всѣ, кого я обидѣлъ!“ Дорогой и милостивый Владыка! Какъ не во время ты оставляешь насъ! Сколько свѣтлыхъ надеждъ зарождалось въ нашей душѣ, надеждъ на то, что отнынѣ Архипастырь и духовныя его чада составятъ одну взаимно любящую семью, что отнынѣ у насъ съ тобою будутъ едина душа и едино сердце! Тѣмъ особенно и тяжела для насъ разлука съ тобою, что мы поняли другъ друга слишкомъ поздно, поняли не для земной жизни, а для загробной вѣчности.

Прости же, святой Владыка, своихъ чадъ и будь молитвенникомъ передъ Богомъ о томъ, чтобы и мы прониклись

тою же любовію, тѣмъ же незлобіемъ, тою же жаждою мира и взаимнаго прощенія, какими была переполнена твоя душа въ предсмертные дни и часы. Повѣрь, что наше скорбное слово не есть только выраженіе долга, а голосъ страдающей и любящей души. Ты часто говорилъ, что власть для тебя тѣмъ и тяжела, что тебѣ не всегда приходится слышать искреннее и правдивое слово.

Теперь ты не у земной власти, теперь предъ тобою не подчиненные, а дѣти, понявшіе и полюбившіе своего молитвенника-Архипастыря. Тяжела наша теперешняя разлука. Пусть же Господь удостоитъ насъ свѣтлаго и радостнаго свиданія съ тобою въ вѣчныхъ обителяхъ небеснаго Отца.

Рѣчь Законоучителя Учительскаго Института, свящ. В. П. Сокольскаго, произнесенная во время отпѣванія.

Дорогой и добрый Владыка!

Не хочется вѣрить, что ты съ нами въ послѣдній разъ. Нѣтъ! Умеръ не ты, а твое—виѣшнее; да и то потому, что надлежитъ тлѣнному сему облечься въ нетлѣніе и мертвенному сему облечься въ безсмертіе. Ты же живъ! Вѣримъ, что ты видишь и слышишь насъ.

Возведи-же, любимый Владыка, духовныя очи твои и виждь собранныя чада твоя: се бо придоша къ тебѣ и братія твоя и сродницы и друзи и знаеміи. Блаженъ ты: въ точности исполнилось на тебѣ славное обѣтованіе Великаго Пастыреначальника, записанное св. Маркомъ въ Евангеліи, лежащемъ на персяхъ твоихъ: „истинно говорю вамъ: нѣтъ никого, кто оставилъ бы домъ или братьевъ, или сестеръ, или отца, или мать, или жену, или дѣтей, или земли, ради Меня и Евангелія, и не получилъ-бы *нынѣ, во время сіе, среди гоненій*, во сто кратъ болѣе, и домовъ, и братьевъ, и сестеръ, и отцовъ, и матерей, и дѣтей, и земель, а въ вѣкъ грядущій жизни вѣчной“ (Мрк. 10, 29—30).

Открылись и наши очи. Озаренные свѣтомъ Христова Евангелія, мы, у гроба твоего, разумѣваемъ, *что* влечетъ къ тебѣ тысячныя толпы народа. Неудивительно, что всѣмъ не хватаетъ даже мѣста въ обширномъ соборномъ храмѣ Благовѣщенія: ты былъ поистинѣ служитель Христа и Евангелія; истиннымъ и добрымъ пастыремъ явилъ ты себя въ жизни земной!

Пастырь-молитвенникъ, Пастырь-руководитель, Пастырь-благодотворитель, Пастырь вдохновитель, Пастырь кротости и смиренія учитель, Пастырь-добрый, въ неусыпномъ исполненіи долга своего положившій жизнь свою за други своя, ты, Владыка, далъ примѣръ истинно-христіанской жизни, являясь всегда и вездѣ самъ, забывая о себѣ и помня лишь о врученныхъ тебѣ душахъ.

Ангель церкви Казанской, ты, какъ Ангель Божій, видѣнный въ Откровеніи Тайновидцемъ, неусыпно возносилъ дымъ кадильный предъ Богомъ съ своими чистыми молитвами. И кто изъ вѣрующихъ душъ забудетъ молитвенные часы, проведенные вмѣстѣ съ тобою?

Души вѣрныя, благочестивыя, души чистыя! Забудете-ли вы тотъ, напр., день, когда Почившій Владыка, преклонше колѣна, дрожащемъ отъ волненія голосомъ, читалъ въ первый разъ молитву предъ „Всеблаженной“—иконой, присланной святѣйшимъ патріархомъ Іоакимомъ въ утѣшеніе паствы Казанской, лишившейся мѣстной стятави. Да и какъ читалъ!—А пасхальные службы съ любимыми имъ поученіями Святыхъ Отцовъ! Съ какой чистой дѣтской радостію молился Владыка и буквально вливалъ молитвенный духъ въ наши холодныя души... Незабвенные дни, святая минуты! А забудете-ли, души вѣрныя свято-отеческимъ завѣтамъ, съ какимъ глубокимъ благоговѣніемъ и сердечнымъ умиленіемъ молился онъ и въ послѣднее „прощенное воскресенье“, четыре недѣли тому назадъ. Съ какимъ смиреніемъ здѣсь, на этомъ мѣстѣ, онъ просилъ прощенія у каждаго, проведши на ногахъ цѣлые часы... И плакалъ онъ... точно зналъ о близости смерти... Изъ чистыхъ очей его тихо струились чистыя слезы молитвы... А теперь! Смежились очи, умолкъ голосъ, вѣщавшій всѣмъ слова любви и примиренія! Да, онъ былъ печальникомъ и молитвенникомъ, ходатаемъ и стражемъ земли Казанской предъ Лицемъ Всевышняго!

Великаго Молитвенника лишилась ты, паства Казанская! Молись и ты за него. Но и молясь за него, поучайся его жизни въ неуклонномъ исполненіи своего долга.

Добрый, самоотверженный, снисходительный, любящій и любимый, ты, незабвенный Владыка, явилъ въ себѣ истинное свойство добраго пастыря: ты принималъ въ душу свою пасомыхъ, жилъ ихъ радостями, болѣлъ ихъ скорбями. По долгу

своего званія отмѣчу лишь твое присутствіе на экзаменахъ. Ты превращала трудный день страдной поры воспитанниковъ въ свѣтлый праздникъ. Грѣясь подъ лучами любви твоей, они научались почитать и уважать тебя. А въ случаѣ нужды не надо было ходить просить тебя о помощи, достаточно было лишь извѣстить тебя о необходимости въ ней, и ты сейчасъ же помогала, чѣмъ могла. Не могу, не смѣю умолчать, добрый Владыка, о твоей отзывчивости на нужды бѣдняковъ-учащихся... Тамъ, гдѣ училась самая неисходная бѣднота, гдѣ не на что было одѣваться, нечѣмъ было заплатить за правоученіе, ты являлся первымъ и щедрымъ благотворителемъ; говорю это относительно общества вспомошествованія недостаточнымъ ученикамъ городского, при учительскомъ институтѣ, училища... Ты всѣмъ явленъ былъ и никто не отходилъ отъ тебя тощъ.

Но этого мало.... Ты удовлетворяла не только голодъ тѣлесный, но и *голодъ души!* Отдаваясь научнымъ занятіямъ, главнымъ образомъ, церковной археологіи, ты, однако, не былъ консерваторомъ въ узкомъ смыслѣ этого слова! Въ тебѣ счастливо сочеталось все лучшее—и старое и новое. Какъ опытный Архипастыръ, ты замѣтилъ, что твои молодые и неопытные сослужители-пастыри духовно голодаютъ и ищутъ духовнаго хлѣба. И ты тотъ часъ же указалъ исходъ. Вдохновляемые тобой пастыри образовали религіозно-философскій кружокъ, гдѣ ты былъ самымъ дорогимъ, самымъ желаннымъ гостемъ. Терпѣливо слушалъ ты наши разсужденія и о Эрихѣ Васманѣ, и о христіанскомъ эволюціонизмѣ, интересовался самыми послѣдними научными свѣдѣніями и давалъ глубокіе, цѣнные практическіе совѣты объ отношеніи, напр., церкви къ государству. Владыка! Очень тяжела для нашего кружка твоя кончина! Кто теперь будетъ вдохновлять насъ? Не увидимъ мы теперь тебя, дорогой нашъ гость, на своихъ собраніяхъ! Но, зная твою любовь къ намъ, просимъ, чтобы твой духъ энергіи и труда, по твоей кончинѣ, сугубо почилъ на насъ, твоихъ соработникахъ. Благослови насъ твоимъ архипастырскимъ благословеніемъ и помолись, что бы не погибло наше дѣло.

Спасибо тебѣ за всё—возлюбленный, дорогой, незабвенный, милый... Прости насъ, отецъ и руководитель нашъ, и прими отъ насъ земной прощальный поклонъ.

Рѣчь священника А. А. Воронцова, произнесенная во время отпѣванія ¹⁾).

Святитель Божій, дорогой нашъ отецъ!

Мы провожаемъ Тебя въ послѣдній путь при самомъ началѣ весны.

Миновала зимняя стужа, отъ которой все леденѣло, замирало, цѣпенѣло; нынѣ яркое вешнее солнце сіяетъ надъ дѣтьми Твоими, грѣетъ и радуетъ ихъ.— И для Тебя миновала скорбная, суровая пора жизни земной, когда отъ холоднаго равнодушія и ледяного безсердечія толпы людской нерѣдко стынетъ, дрогнетъ и изнемогаетъ даже пламенная душа подвижника и молитвенника; огнынѣ, и во вѣки да сіяетъ для души Твоей, да согрѣваетъ и радуетъ ее Солнце Правды—Христосъ Богъ нашъ, къ Нему же восхожденіе Твое.

Скоро подъ яркими лучами солнца растаетъ весь зимній ледъ и снѣгъ; могучая вешняя вода смоетъ съ лица земли всякую нечистоту, унесетъ ее въ великую рѣку, а на ея волнахъ умчитъ и погрузитъ во глубины моря.—Подъ яркими лучами милосердія Божія да растаютъ всѣ Твои земныя немощи; живая вода—Божественная Благодать да омоетъ съ души Твоей всякій грѣхъ, и да потопитъ его въ неизслѣдной безднѣ милосердія Божія.

Скоро слухъ дѣтей Твоихъ огласится радостнымъ щекотаніемъ и пѣніемъ птицъ небесныхъ.— Да возвеселится и Твоя душа райскимъ славословіемъ Ангеловъ и Святыхъ Божіихъ.

Еще немного—и на разрыхленную почву выйдетъ съятель съятыя сѣмена свои въ надеждѣ на красоту и богатство будущаго урожая.—Нынѣ Твое тѣло, какъ зерно Божіе полагается въ землю Господню,—сѣется въ тлѣніи и въ немощи тѣло душевное; да встанетъ же въ послѣдній день въ нетлѣніи, силѣ и славѣ тѣло духовное!

Господь сохранитъ Тя отъ всякаго зла, сохранитъ душу Твою Господь; Господь сохранитъ вхожденіе Твое и исхожденіе Твое отнынѣ и до вѣка. Аминь.

---

¹⁾ Рѣчи профессора духовной Академіи А. А. Царевскаго и студента А. Н. Вршова будутъ напечатаны въ „Православномъ Собесѣдникѣ“.

Преподобный Іоаннъ Кассіанъ Римлянинъ ¹⁾.

(его жизнь и богословско-аскетическія воззрѣнія).

Перу преп. І. Кассіана, какъ несомнѣнныя, принадлежатъ слѣдующія 3 сохранившіяся до насъ сочиненія: 1) *De institutis Coenobiorum libri XII ad Castorem, aptensem episcopum*“, написано между 417—419 г.г.; 2) „*Collationes patrum*“ XXIV книги, написаны въ періодъ между 420—429 г.г.; „*De incarnatione Christi adversus Nestorium libri VII*“, написано подъ конецъ жизни (430 г.) по порученію римскаго Архидіакона Льва, впослѣдствіи папы, и представляетъ собой сборникъ мыслей восточныхъ и западныхъ отцовъ противъ ереси Несторія.

Въ смыслѣ значенія для монашества важны именно первыя два сочиненія. Изъ нихъ первое (*De institutis Coenobiorum*) содержитъ въ первыхъ 4-хъ книгахъ важнѣйшія правила монастырской жизни внѣшней (1 кн. объ одеждахъ, объ общихъ монастырскихъ молитвахъ—дневныхъ и ночныхъ; 2-я и 3-я о чинѣ отреченія; 4-я о необходимости строгаго послушанія и о совершенной бѣдности), а въ 8-ми слѣдующихъ трактуетъ о восьми главныхъ порокахъ или страстяхъ и о средствахъ ихъ излеченія, причемъ цѣлая книга посвящается описанію каждой страсти и борьбы съ ней (страсти: чревоугодіе, блудъ, сребролюбіе, зависть, уныніе, печаль, тщеславіе и гордость).

Въ сочиненіи „*Collationes patrum*“ преп. І. Кассіанъ разсуждаетъ спеціально о духовномъ совершенствѣ и о внутренней жизни подвижника; разсужденіе ведется въ формѣ бесѣдъ съ египетскими подвижниками. Здѣсь говорится исключительно о благочиніи внутренняго человѣка, о совершенствѣ жизни и чистотѣ сердца, „чтобы, читая эти сочиненія, каждый могъ, по словамъ преп. І. Кассіана, научиться, что должно соблюдать на высотѣ духовнаго совершенства“ (предисл. къ Собес.). Твердо стоя на почвѣ Свящ. Писанія и общаго христіанскаго міровоззрѣнія, преп. І. Кассіанъ опредѣляетъ здѣсь самую задачу и конечную цѣль христіанскаго аскетизма (1-е Собес.) и изображаетъ весь про-

---

¹⁾ Оксичаніе, см. № 12.

цессъ этого творчества нѣкоего новаго бытія въ области духа и воли человѣка, доводя подвижника до того момента, когда онъ какъ бы отрѣшается отъ всего земного и живетъ однимъ созерцаніемъ Бога. При свѣтѣ божественнаго откровенія, путемъ по преимуществу психологическаго анализа тѣхъ состояній, которыя приходится переживать подвижнику, преп. І. Кассіанъ знакомитъ читателя со всѣми явленіями въ области духовной жизни спасающагося человѣка. Онъ разсматриваетъ состояніе и расположеніе душевныхъ силъ въ естественномъ, грѣховномъ человѣкѣ и то содержаніе, въ которомъ обычно проявляется жизнь человѣка плотскаго; потомъ знакомитъ съ состояніемъ и расположеніемъ этихъ природныхъ силъ человѣка уже на разныхъ ступеняхъ духовной жизни, указываетъ также тѣ проявленія душевной жизни, какими, главнымъ образомъ, характеризуется жизнь подвижника въ разныхъ стадіяхъ духовнаго совершенства. Въмѣстѣ съ предметами, относящимися спеціально къ области жизни подвижнической, преп. І. Кассіанъ въ тѣхъ же „Собесѣдованіяхъ“ касается и болѣе общихъ, основныхъ пунктовъ христіанскаго міровоззрѣнія, чтобы подвижникъ чрезъ истинное уразумѣніе ихъ яснѣе и правильнѣе понималъ задачи своей жизни и чувствовалъ подъ собою твердую почву.

Вотъ краткій перечень тѣхъ предметовъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ „Собесѣдованіяхъ отцовъ“ у преп. І. Кассіана: 1-ое „о цѣли монаха“; 2-ое «о духовномъ разсужденіи»; 3-е „о трехъ отреченіяхъ“; 4-е «о борьбѣ плоти и духа»; 5-е «объ осьми главныхъ порокахъ», съ которыми приходится бороться подвижнику; 6-е «объ убіеніи святыхъ» (собственно о Промыслѣ Божіемъ); 7-е и 8-е „о непостоянствѣ души и о злыхъ духахъ въ ихъ вліяніи на человѣка“; 9-е и 10-е «о молитвѣ»; 11-е «о совершенствѣ»; 12-е «о чистотѣ»; 13-е „о покровительствѣ Божіемъ“ (важное по изложенному здѣсь взгляду на свободу и благодать въ дѣлѣ спасенія); 14-е «о духовномъ званіи»; 15-е «о божественныхъ дарованіяхъ»; 16-е „объ истинномъ дружествѣ и его основахъ“; 17-е «объ опредѣленіи» (собственно вопросъ о т. наз. «*collisio officiorum*»); 18-е «о трехъ родахъ монаховъ»; 19-е „о цѣли киновіи и пустынножительства“; 20-е «о концѣ покаянія»; 21-е «о льготахъ въ пятидесятницу»; 22-е „о ночныхъ искушеніяхъ“; 23-е „о желаніи добра и дѣланіи зла“ (содер-

жить замѣчательное по глубинѣ мысли толкованіе словъ Рим. 7, 19—23); 24-е «о духовномъ самоумерщвленіи». Въ разсужденіи объ указанныхъ предметахъ преп. І. Кассіанъ сѣмѣлъ коснуться и выяснитъ всѣ стороны и вопросы подвижнической жизни, чѣмъ далъ прекрасное удовлетвореніе аскетическимъ запросамъ того времени, которые были очень сильны на Западѣ среди христіанскаго, а частію и языческаго общества, увлекавшагося мистицизмомъ. І. Касіанъ не только перенесъ аскетическія идеи Востока на Западъ, но сѣмѣлъ отдать должное въ своихъ трудахъ и Западу съ его духовнымъ богатствомъ; напелъ возможнымъ сочетать характерные элементы западной богословской мысли съ восточными, въ приложеніи ихъ къ подвижничеству, не утративъ духа идей восточной аскетики.

Взглядъ на подвижничество, какъ на внутреннюю, главнымъ образомъ, жизнь личности, а не на внѣшній только институтъ; ученіе о личности подвизающагося, какъ о силѣ, активно осуществляющей задачи своей жизни чрезъ сознательное участіе въ предположеніяхъ своего званія, и пониманіе задачи подвижничества въ смыслѣ индивидуальнаго совершенствованія,—эти основныя положенія аскетики Востока легли въ основу возрѣвній и преп. І. Кассіана. Тотъ же духъ восточной аскетики и ея идеи проводятся І. Кассіаномъ и въ болѣе частныхъ пунктахъ его ученія о подвижничествѣ: указаніе причины подвижничества въ состояніи природы падшаго человѣка (антропологическая причина подвижничества), ученіе о благодати Божіей, какъ силѣ помогающей человѣку въ дѣлѣ нравственнаго совершенства; вопросъ о внутреннемъ субъективномъ исходномъ началѣ подвижничества (страхъ Божій) и о тѣхъ субъективныхъ побужденіяхъ, которыми руководится подвижникъ въ своемъ дѣлѣ; вопросъ о главныхъ внутреннихъ настроеніяхъ, которыя должны проходить чрезъ всю жизнь подвижника; взглядъ на внѣшнюю сторону подвижничества,—все это у преп. І. Кассіана рѣшается въ духѣ восточной аскетики.

Но и Востокъ не имѣлъ еще у себя полной системы подвижничества,—и заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ преп. І. Кассіану: онъ сѣмѣлъ идеи Востока сочетать въ приложеніи къ подвижничеству съ духовнымъ богатствомъ Запада и его богословскими идеями въ лицѣ св. Амвросія

Медиоланскаго и бл. Августина. Достаточно, напр., указать, что августиновская идея двухъ царствъ—Бога и діавола—(въ соч. *De civitate Dei*); идея любви, какъ единства воли (св. Амвросій толков. на псал. 118, 4 рѣчь 11: *Migne lat XV*, р. 1349 и др.), все это нашло у І. Кассіана прекрасное приложеніе въ его всестороннемъ выясненіи подвижничества безъ всякаго нарушенія духа восточнаго подвижничества и только расширило его кругозоръ. Въ этомъ, между прочимъ, его заслуга самостоятельнаго авторскаго творчества и сугубый интересъ (чисто ученый) его трудовъ, дающихъ возможность видѣть ту форму и тотъ духъ христіанскаго подвижничества, въ которыхъ оно выразилось на Западѣ къ началу V-го вѣка.

Славу сочиненій преп. І. Кассіана нѣсколько омрачало подозрѣніе его въ приверженности къ пелагіанству въ вопросѣ о свободѣ и благодати, которое (подозрѣніе), съ легкой руки Проспера аквитанскаго (см. *Migne LVII*, р. 214 въ соч. *Contra collatorem*), держится и теперь. Это обвиненіе І. Кассіана въ пелагіанствѣ имѣло очень большое значеніе для дальнѣйшей судьбы его сочиненій: они подвергались исправленіямъ и сокращеніямъ съ тою цѣлю, чтобы, при несомнѣнной пользѣ отъ чтенія ихъ, не могло быть и вреда отъ предполагаемыхъ въ нихъ пелагіанскихъ идей („*ne pro medela venenum ex ipsis hauriri*“).

Въ дѣйствительности безпристрастное и серьезное изученіе по подлиннику тѣхъ мѣстъ сочиненій преп. І. Кассіана, въ которыхъ говорится о свободѣ и благодати (соч. *De institutis Coenobiorum*; *Collationes*, 3, 10—22. 4, 4—5. 7, 8 и 13), можетъ привести къ тому заключенію, что преп. І. Кассіанъ и въ этомъ вопросѣ былъ вполне вѣренъ взглядамъ восточныхъ отцовъ и особенно І. Златоуста. Если, поэтому, І. Кассіана обвинять въ пелагіанствѣ, то подобное обвиненіе нужно дѣлать и восточнымъ о.о. подвижникамъ, что дѣйствительно и дѣлается нѣкоторыми нѣмецкими учеными богословами, усматривающими въ ученіи восточныхъ подвижниковъ о необходимости признавать значеніе за свободою челоуѣка въ дѣлѣ спасенія начало пелагіанскихъ идей. Въ рѣшеніи вопроса объ отношеніи благодати Божіей къ свободѣ челоуѣка въ дѣлѣ спасенія преп. І. Кассіанъ сталъ совершенно на новую точку зрѣнія, болѣе вѣрную: онъ беретъ во вни-

маніе при рѣшеніи этого вопроса не моменты спасительнаго процесса или собственно степени нравственнаго совершенства (начало, продолженіе, совершенство вѣры и добрыхъ дѣлъ), какъ это обычно дѣлается при рѣшеніи этого вопроса и новѣйшими богословами, а психологическіе моменты волевого процесса. Первое ясное звено или первый психологическій моментъ всякаго волевого акта-процесса (будь онъ добрый или худой) есть желаніе, которое потомъ, при извѣстной мотивировкѣ, ведетъ человѣка къ рѣшенію осуществить предметъ желанія и къ самому осуществленію; и вотъ, по отношенію къ этимъ то психологическимъ моментамъ воли и разсматриваетъ преп. І. Кассіанъ дѣйствіе благодати, ибо видѣ ихъ не бываетъ ни начало, ни продолженіе, ни совершенство вѣры и добродѣтели; во всѣхъ нихъ дѣйствуетъ и происходитъ одинъ и тотъ же указанный волевой процессъ. Эта постановка дѣла при выясненіи вопроса объ отношеніи воли человѣка къ благодати, какъ внутренне дѣйствующей силѣ, конечно, наиболѣе правильна, потому что каждый отдѣльный актъ волевой дѣятельности есть результатъ цѣльнаго сложнаго процесса развитія внутренней силы человѣческаго духа, а не моментальное простое наклоненіе человѣка въ ту или другую сторону подъ вліяніемъ посторонней силы.

Нужно понимать волю чисто по пелагіански, т. е. какъ простую форму, а не какъ силу, чтобы иначе рѣшать этотъ вопросъ. Если же воля есть сила, если существуютъ не отдѣльные только акты волевой дѣятельности, а за ними скрывается еще нѣчто другое, что предшествуетъ и обуславливаетъ собою ихъ, то нужно разсматривать чисто психологически отношеніе воли (какъ силы) къ благодати (тоже какъ къ силѣ) въ процессѣ ея развитія и дѣятельности (воли). Вотъ почему, по мысли преп. І. Кассіана, весь спасительный процессъ представляетъ собой постоянное взаимодѣйствіе силы Божіей — благодати — и силы человѣческой (Собес. 3, 12). Спасительное — доброе желаніе человѣка, какъ начальный актъ его волевой дѣятельности, можетъ возникать и помимо внутренняго дѣйствія благодати, но обращается оно (желаніе) въ рѣшимость и переходитъ къ осуществленію непременно всегда при помощи благодати Божіей, понимаемой въ смыслѣ внутренне дѣйствующей силы. Отсюда начало добраго волевого акта (желаніе добра, помышленіе о немъ) можетъ

полагаться самимъ человѣкомъ, но развитіе, осуществленіе и укрѣпленіе желанія невозможно безъ благодати, которая собственное желаніе человѣка беретъ какъ бы исходнымъ пунктомъ для содѣйствія или для взаимнаго дѣйствія съ волею человѣка. По мысли преп. І. Кассіана, въ каждомъ добромъ актѣ воли участвуютъ всегда и свобода и благодать; начало этого акта принадлежитъ свободѣ, а потомъ присоединяется благодать, какъ внутренне дѣйствующая сила, — и при ея только содѣйствіи приходятъ въ исполненіе добрыя желанія человѣка или добрый актъ воли (Собес. 7, 8. 4, 5). Отсюда первоначальное возникновеніе вѣры и доброй дѣятельности должно быть приписываемо благодати Божіей: онѣ возникаютъ отъ благодати и безъ нея невозможны. А если, далѣе, въ спасительномъ процессѣ, взятомъ въ цѣлой совокупности, различаютъ обычно моменты: возникновеніе вѣры и доброй дѣятельности, ихъ возрастаніе и совершенство, то, по мысли І. Кассіана, нужно признать полную необходимость благодати для всѣхъ ихъ. Благодатная помощь Божія рѣшительно необходима въ дѣлѣ духовно-нравственнаго роста, и на всѣхъ ступеняхъ этотъ ростъ собственно принадлежитъ не усиліямъ человѣка, а ей. „Творецъ, — говоритъ І. Кассіанъ, — всюду производитъ все: возбуждая (incitare), содѣйствуя (protegere) и утверждая (confirmare), однако безъ нарушенія данной свободы (Coll. 13, 14); впрочемъ, умъ человѣческій не можетъ совершенно постигнуть, какъ Богъ производитъ въ насъ все, и вмѣстѣ все усвоется нашей волѣ, о которой говорится: „аще хотите и послушаете Мене, благая земли снесте“ (Ис. 1, 19); и только въ тайнѣ своего сознанія душа человѣческая бываетъ цѣлительницею благодѣяній Божіихъ и здѣсь только человѣкъ можетъ познать, что Богъ въ немъ производитъ“ (Собес. 13, 9. 12, 12—13). Эти мысли преп. І. Кассіана о свободѣ и благодати, повторяемъ, суть мысли восточныхъ о.о. аскетовъ: Макарія, Ефрема Сирина, Антонія В. и, особенно, І. Златоустаго, и подозрѣніе І. Кассіана въ пелагіанскомъ образѣ мыслей тяготеетъ надъ нимъ до настоящаго времени совершенно напрасно.

Архимандритъ *Теодоръ*.

НАРОДНЫЙ ЛИСТОКЪ.

КЪ ДѢТЯМЪ.

Пустите дѣтей приходите ко Мнѣ, и не препятствуйте имъ; ибо таковыхъ есть царствіе Божіе. (Марк. X, 14).

И обнявъ ихъ, возложилъ руки на нихъ и благословилъ ихъ. (16).

Какъ мать, нѣжно любящая дѣтей своихъ, обнимаетъ ихъ, ласкаетъ, такъ и Спаситель Нашъ, Іисусъ Христосъ, съ чисто материнской лаской, нѣжностью и любовью обращался съ тѣми дѣтьми, которыя приходили къ Нему, или которыхъ приносили.

За что такъ любилъ Іисусъ Христосъ малыхъ дѣтей? Почему указывалъ ихъ въ примѣръ даже взрослымъ, когда говорилъ: истинно говорю вамъ, если не обратитесь и не будете какъ дѣти, не войдете въ царство небесное (Матѣ. XVIII, 3)?

Потому, безъ сомнѣнія, что и дѣти, окружавшія Спасителя, тѣснившіяся около Него, сами были чисты, невинны, добры, ласковы и внимательны. Эти дѣти съ открытой душой, безъ какихъ нибудь тайныхъ, дурныхъ промысловъ, безъ всякихъ злыхъ намѣреній и, конечно, безъ худыхъ дѣлъ и поступковъ, окружали Спасителя тѣснымъ кольцомъ, созерцали Его Св. Лицъ, слушали Его поученія и наставленія.

И за все это Спаситель и былъ такъ милостивъ въ отношеніи къ дѣтямъ, былъ такъ ласковъ, нѣженъ съ ними.

Мало этого. Спаситель съ материнской какъ бы любовью озабочивался и будущей судьбой окружавшихъ Его дѣтей; беспокоился за это будущее, хотѣлъ видѣть дѣтей чистыми, невинными, добрыми и ласковыми не только теперь, тутъ, около Себя, а и потомъ, послѣ, вдали отъ Себя. Онъ предвидѣлъ, Онъ зналъ, что для дѣтей, въ ихъ дѣтскомъ возрастѣ, всегда могутъ быть разнаго рода соблазны и соблазнители.

И вотъ, оберегая дѣтскую чистоту и невинность, защищая дѣтей отъ возможныхъ соблазновъ, Спаситель и говорить всѣмъ этимъ соблазнителямъ: **А кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Меня, то лучше было бы тому, если бы повѣсили ему мельничный жерновъ на шею и потопили его во глубинѣ морской** (Матѣ. XVIII 6).

Такъ, значитъ, дороги были дѣти предъ Спасителемъ. Такъ цѣнна была, предъ очами Его, дѣтская чистота, доброта и невинность.

И мы видимъ, что дѣти времянь Иисуса Христа берегли эту цѣнность, хранили ее отъ соблазна и искушеній; проявляли свою дѣтскую доброту и невинность во всей ихъ красотѣ и чистотѣ. Мы слышимъ, какъ эти дѣти немолчно восхваляютъ предъ Спасителемъ въ храмѣ Иерусалимскомъ: **Осанна сыну Давидову!** (Матѣ. XXI, 15). Возвѣщаютъ хвалу Иисусу Христу въ то именно время, когда многіе такъ открыто уже проявляютъ свое негодование къ Нему.

Да. Спаситель любилъ чистое, невинное дѣтство. И дѣти отвѣчали Ему той же безкорыстной любовью.

Скажите же, теперь, вы—дѣти христіане, и дѣти христіанъ, скажите откровенно: любите ли Иисуса Христа? Славите ли Его Святое Имя? Заслуживаете ли по своей жизни и дѣятельности, по своимъ думамъ и помышлениямъ, того невыразимаго счастья, чтобы и васъ Спаситель нашъ, эта вѣчная Любовь, Правда и Истина, обнялъ, возложилъ на васъ Свои руки, благословилъ васъ.

Если совѣсть ваша спокойна, если ни въ чемъ она не упрекаетъ васъ, то Спаситель съ вами; Онъ незримо осѣнитъ васъ, обниметъ васъ, благословитъ васъ.

Если вы, съ открытой душой, въ чистотѣ своихъ помысловъ, устремляете свои дѣтскіе взоры къ Распятому Христу, взываете къ Нему: Господи помоги! Господи спаси!, то Спаситель съ вами: Онъ поможетъ вамъ, Онъ спасетъ васъ.

Если вы любите храмъ Божій, благоговѣнно молитесь въ немъ, вспоминаете въ богослуженіи всю земную жизнь Иисуса Христа, то Спаситель съ вами; Онъ сохранитъ васъ отъ всѣхъ соблазновъ, поддержитъ васъ, уврѣпитъ васъ.

Если вы, наконецъ, по доброй волѣ, безъ всякихъ принужденій, соединяетесь со Христомъ въ св. таинствѣ Причащенія, то Спаситель съ вами; Онъ васъ освятить, Онъ васъ прославить. Для васъ, тогда, Его вечера любви; Онъ вашъ Учитель, вы Его ученики.

Когда приду я въ храмъ священный
И тамъ, колѣнопреклоненный,
Тебя я стану умолять,—
Пошли мнѣ, Боже, благодать!

Ты даруй мнѣ грѣховъ прощенье;
Принявъ въ число Твоихъ рабовъ,
Меня сподоби приобщенья
Твоихъ Таинственныхъ Даровъ!

Редакторъ священникъ Н. Писаревъ.

Печатать дозволяется. Казань 8 апрѣля 1908 г.

Ректоръ Академіи, Епископъ Алексій.

Казань. Типо-литографія Императорскаго Университета. 1908 г.